

— Чжао-гэр, что это ты там такое варил?! — донёлся голос из-за ворот.

— А? — молодой супруг мгновенно очнулся.

Соус вышел настолько вкусным, что он уже прикидывал, сколько серебра сможет на нём выручить, а потому выкладывать всю правду первому встречному не собирался.

— Да муж вчера из города, из трактира, угощений привёз, вот я и разогрел к обеду.

— О-о! Вот оно что!

Люди охотно поверили. В деревне и так считали, что в больших ресторанах готовят нектар и амброзию, раз уж богачи готовы выстаивать очереди и сорить деньгами ради одного обеда. Раз аромат разнёсся на полдеревни, значит, так оно и есть.

Проводив любопытных, Чжао-гэр облегчённо выдохнул. Было ещё не слишком поздно, так что, наказав Гуай-цзаю присматривать за домом, он прихватил тесак и отправился в лес за хворостом.

На варку кровяной колбасы дров уходило нещадно много. Хоть Сяо Фэн и приносил им по охапке раз в несколько дней, этого едва хватало на самое необходимое.

Через месяц-другой ударят холода, так что запасы нужно готовить уже сейчас. Зимы в этих краях стояли лютые. Были бы деньги — можно было бы закупить древесного угля, но это удовольствие только для богачей. Деревенские же грелись дровами: пусть от них много дыма и ест глаза, зато платить не надо — была бы сила в руках да охота в гору подняться.

Пока все были заняты на полях, он решил воспользоваться моментом. Когда жатва закончится, за хворостом потянется вся деревня, и тогда за каждой веткой придётся идти в самую глушь.

Едва он дошёл до подножия Южной горы, как до его слуха донеслись приглушённые стоны, полные боли.

Чжао-гэр замер и огляделся. Там, среди высоких стеблей кукурузы, прямо на пожухлых листьях лежал гэр, прижимая руки к огромному животу.

Он сразу узнал лежащего. На недавнем пиру у Лю Далэна Фан Цзычэнь довольно долго и внимательно разглядывал этого человека. Это был У-гэр, муж мастера-черепичника, который переехал в их деревню три года назад. Человек он был кроткий, работающий и очень добрый; при встрече на дороге всегда приветливо здоровался.

Тогда, на празднике, Чжао-гэр поинтересовался его сроком, и тот ответил, что идёт уже десятый месяц. Глядя на его нынешнее состояние... молодой супруг похолодел: кажется, началось.

Он подбежал ближе. У-гэр был бледен как полотно, волосы спутались и прилипли к мокрому от пота лбу, взгляд блуждал. Полы его одежды пропитались влагой и кровью — было ясно, что воды уже отошли.

Вокруг не было ни души. Несчастный, должно быть, пролежал здесь уже долго. Увидев Чжао-гэра, он из последних сил протянул к нему дрожащую руку, точно к спасительной соломинке.

— Чжао... гэр... прошу... — голос его прерывался, дыхание было едва слышным. — Помоги... мне...

— Не бойся! — Чжао-гэр присел рядом, стараясь говорить уверенно. — Я сейчас позову кого-нибудь на помощь.

Он только собрался вскочить, как У-гэр слабо ухватил его за край одежды и покачал головой. В его глазах стояли слёзы.

— Не успеешь... поздно уже.

До деревни было недалеко, а люди там жили суеверные. Считалось, что кровь при родах приносит неудачу и «скверну», а потому вряд ли какой ханьцзы согласится нести рожавшего гэра на руках. Муж У-гэра ушёл в соседние сёла продавать товар, а время поджимало — если ребёнок не родится сейчас, он может просто умереть в утробе.

— Что же делать? — Чжао-гэр совершенно растерялся.

Его собственные роды были чудом и едва не стоили ему жизни; принимать же чужого ребёнка он совершенно не умел.

У-гэр, терзаемый схватками, тоже не знал ответа. Охваченный ужасом и отчаянием, он просто не хотел оставаться один в этот страшный миг.

Молодой супруг метался рядом, вытирая ему пот и бормоча слова утешения, но по сути был бессилён.

Минуты тянулись мучительно медленно. У-гэр обхватил живот и зарыдал, и в этом плаче была такая невыразимая скорбь по нерождённому дитя, что у него самого защипало в глазах.

Он слишком хорошо понимал это чувство. Когда он сам лежал в холодном сарае и не мог

разродиться, он боялся не смерти, а того, что его малыш так и не увидит свет. Эти десять месяцев, когда дитя толкается в тебе, создают связь крепче любого железа. Ребёнок для них — это больше, чем жизнь.

— Чжао-гэр?! — внезапно раздался голос Фан Цзычэня.

Чжао-гэр резко обернулся:

— Муж!

Его голос так дрожал, что Цзычэнь сразу понял: дело плохо. Он подбежал к ним и, увидев У-гэра, мгновенно оценил ситуацию:

— Рожает, что ли?

— Да! — супруг часто закивал.

Заметив на земле расплывающееся кровавое пятно, Фан Цзычэнь закричал:

— Так чего ты стоишь?! Быстро звони в 120!

Чжао-гэр ошарашенно захлопал глазами.

Цзычэнь тут же спохватился, поняв, что сморозил глупость — в этом мире не было номера «120».

— Тьфу, забудь! Тащи этого... как его... повитуху!

— Ты носи У-гэра в деревню, а я мигом за повитухой сбегаю! — Чжао-гэр сорвался с места и припустил во все лопатки.

Фан Цзычэнь был человеком без предрассудков, и на всякие суеверия ему было плевать с высокой колокольни. Не раздумывая, он подхватил беднягу на руки и стрелой помчался к домам.

В деревне ему попалось несколько женщин. Увидев, в каком состоянии У-гэр, они всё поняли без слов и бросились следом, указывая дорогу к дому черепичника, чтобы Цзычэнь не плутал.

Дома была лишь старая, немощная свекровь. Едва Фан Цзычэнь уложил бедолагу, как в дверях появился запыхавшийся Чжао-гэр, волоча за собой повитуху.

Деревенские женщины, не дожидаясь просьб, засуетились на кухне, разводя огонь и согревая воду. Из комнаты доносились глухие, полные муки крики. Когда из дверей начали выносить один за другим тазы с окровавленной водой, Фан Цзычэнь не выдержал — такая картина была не для его нервов. Он легонько ткнул мужа в бок:

— Слушай... может, пойдём уже?

Чжао-гэр тревожно кусал губы:

— Давай ещё немного подождём, а?

Заметив их бледные, испуганные лица, одна из женщин успокаивающе махнула рукой:

— Да не бойтесь вы, дело-то житейское. Все так рожают.

Фан Цзычэнь недоуменно моргнул:

— У него же живот вон какой был, как же он в поле-то работать пошёл?

Женщины дружно рассмеялись, точно он сказал нелепость:

— Ой, милоч, да мы, крестьяне, пока с ног не свалимся, в поле пашем. Беременность — не хворь. Бывает, кто-то прямо в борозде присядет, разродится, обмоет дитё — и дальше за работу.

Фан Цзычэнь лишился дара речи.

— Это вы, молодые, ещё неопытные, — продолжала женщина. — С первым всегда тяжело. А как пойдёт третий-четвёртый, так они сами, как горошины, выскакивать будут.

Цзычэнь лишь обречённо вздохнул.

«Боги, ну нельзя же о таком священном и опасном деле говорить так, будто речь идёт о походе в туалет за сараем! Тут же человек на волоске висит!»

Ребёнок никак не шёл, и У-гэр совсем выбился из сил. Повитуха выглянула за дверь и велела приготовить ему что-нибудь поесть, чтобы подкрепиться.

Старая свекровь, шатаясь от слабости, поплелась на кухню и через силу вынесла полмиски какой-то серой каши из грубого зерна. Повитуха, решив, что старуха просто жадничает для фулана, так и вспыхнула:

— Ах ты, старая карга! Человек там за жизнь борется, наследника тебе рождает, а ты ему эту половину суёшь?!

Старуха едва не расплакалась от обиды:

— Да нету больше ничего в доме... Только это и осталось...

Жили они впроголодь. Чжао-гэр вспомнил, что у них дома осталось немного коричневого сахара, и велел Фан Цзычэню быстро сбежать за ним.

— Опять я... — пробормотал Цзычэнь.

Он чувствовал себя странно: чужой муж рождает, а он носится туда-сюда, как угорелый. Но делать нечего — коричневый сахар стоил дорого, и когда Цзычэнь принёс увесистый кусок, женщины во дворе только языками зацокали.

«Святые угодники, ну и щедрость! Такой кусок сахара вэней на двадцать потянет, а он — нате, берите. Мы бы ни за что не отдали!»

Впрочем, зависть быстро сменилась пониманием. «Чего ещё ждать от человека, который по три ляна в месяц зашибает? Для него это гроши, не то что для нас — мы каждую копейку пополам ломаем».

То, как Фан Цзычэнь беспрекословно слушался своего фулана, заставило многих матерей посмотреть на него с ещё большим интересом. Если бы их дочки вышли за такого парня... родителей бы он почитал, денег в доме — куры не клюют, да ещё и сирота — некому на ухо капать.

Свекровь У-гэра приняла сахар и принялась рассыпаться в благодарностях перед Чжао-гэром.

Едва роженик выпил сладкой воды, как силы вернулись к нему, и вскоре из дома донёсся звонкий младенческий плач.

— Родился! Родился!

Повитуха вынесла ребёнка на порог. Она была из соседнего села и, увидев во дворе толпу женщин и лишь одного статного ханьцзы, решила, что это и есть счастливый отец. Она поднесла младенца прямо к Фан Цзычэню, надеясь на щедрые чаевые:

— Поздравляю, папаша! Счастье-то какое! Первый — и сразу сын! Глянь, какой красавец, вылитый ты!

Чжао-гэр: «...»

Фан Цзычэнь: «...»

Цзычэнь отпрянул назад, отчаянно замахав руками:

— Эй, полегче! Это не мой ребёнок!

«Вылитый я?! Да ты, старая, в глаза что ли порешься?»

Он мельком глянул на младенца: сморщенный, ярко-красный, на голове — три волосины, глаза заплывшие... Чистой воды облезлая обезьянка! И где тут сходство?! Скажи она, что ребёнок похож на Лю-паршивца, он бы и то так не оскорбился.

Повитуха опешила:

— А?

Женщины во дворе прыснули от смеха.

Убедившись, что с У-гэром всё в порядке, Фан Цзычэнь увёл мужа домой. По дороге он не переставал качать головой:

— Чжао-гэр, как же вам, гэрам, всё-таки достается...

Тот вопросительно посмотрел на него.

Фан Цзычэнь говорил от чистого сердца:

— Мало того что вас в жизни за людей не считают, так ещё и рожать — такая мука... Тяжело вам, ох как тяжело. Но при этом — истинно великое дело творите.

Чжао-гэр, смущённый такой речью, лишь поспешил сменить тему:

— Ты чего сегодня так рано вернулся?

Цзычэнь взял его за руку, нежно поглаживая большим пальцем ладонь:

— Хозяин вернулся, гостей созвал на пир, велел никого не принимать. Вот я и свободен.

— О! — Чжао-гэр просиял. — Пойдём скорее домой, у меня для тебя сюрприз есть.

Дома Фан Цзычэнь пришёл в полный восторг от готового соуса. Глядя на его сияющее лицо, Чжао-гэр почувствовал, как на душе становится тепло и спокойно. Весь день он провозился с этим перцем, руки до сих пор ныли от тесака, но стоило увидеть радость мужа — и вся усталость испарилась.

На ужин супруг приготовил лапшу. Он сам раскатал и нарезал тонкие, длинные нити теста, отварил их и залил наваристым костным бульоном. Добавил нежной зелени, мелко порубленного лука, поджарил яйцо и добавил обжаренный мясной фарш с кислыми бобами. И, конечно же, сверху — ложку того самого соуса. Аромат... Фан Цзычэнь умял три миски одну за другой и замер в блаженстве.

Гуай-цаю такая лапша тоже пришлась по вкусу. Он съел целую плошку, выпятив животик, и уже открыл рот, чтобы попросить добавки, но вовремя спохватился. Дети ведь часто не чувствуют меры — Чжао-гэр помнил, как в семье Ма дети, вроде Ма Сяошуня, на праздники набивали животы до отказа; глаза всё ещё жаждали еды, хотя желудки были полны, и в итоге их просто выворачивало обратно. В котле оставалось ещё полмиски, и он, не давая сыну объесться, мягко сказал, что сам ещё не наелся.

Гуай-цзай тут же притих:

— Тогда Гуай-цзай больше не будет. Пусть папа кушает.

Закончив с ужином, отец с сыном вышли на крыльцо. Малыш обхватил Фан Цзычэня за шею и заговорщицки зашептал «отчёт о проделанной работе»: оказывается, сегодня он пробежал мимо дома семьи Ма и заметил, что их рис уже совсем просох.

— Вот как? — Фан Цзычэнь многозначительно вскинул бровь.

<http://bllate.org/book/15357/1437720>